

АКТЫ ОТЧАЯНИ

МЕГАН НОЛАН

18+

ph

Меган Нолан

АКТЫ ОТЧАЯНИЯ

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69014596

Акты отчаяния: Фантом Пресс; М.; 2023

ISBN 978-5-86471-918-3

Аннотация

Язвительно честный, мрачно смешной роман о токсичных отношениях молодой женщины с красивым, но холодным мужчиной. История рассказана в виде внутреннего монолога, героиня пытается понять, в чем суть истинных желаний женщины, ее ненасытности, любовной зависимости. И почему женщина готова на любые акты отчаяния, лишь бы ощутить себя любимой, почему женщина зачастую чувствует себя живой, только когда она находится в отношениях, даже если отношения для нее мучительны.

Содержание

Апрель 2012. Дублин	6
1	6
2	8
3	10
4	12
5	18
6	20
7	25
8	30
9	37
10	41
11	44
12	49
Ноябрь 2012	51
1	51
2	53
3	55
4	59
5	60
6	70
7	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Меган Нолан

АКТЫ ОТЧАЯНИЯ

*Посвящается моей маме Сью и моему папе
Джиму*

*Но получил ли ты от жизни, что хотел?
Я получил.
Чего же ты хотел?
Именоваться Любимым,
Чтобы меня любили на Земле.*

Раймонд Карвер, «Поздний фрагмент»

*Маленькая девочка семнадцати лет в
психиатрической лечебнице сказала мне, что
напугана до ужаса, потому что внутри у нее
атомная бомба.
Р. Д. Лейнг, «Разделенное Я»*

Acts of Desperation by Megan Nolan
Copyright © 2021 by Megan Nolan

© Любовь Карцивадзе, перевод, 2022

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2022

phantom press

Апрель 2012. Дублин

1

Когда я впервые увидела его, мне стало ужасно его жаль.

Я оглядывалась в поисках выпивки, меня мучила жажда, и тогда-то все и началось.

Он стоял в галерее возле какой-то гротескной скульптуры – розовой, отдаленно похожей на что-то вроде мутировавшего человеческого уха.

Он увлеченно с кем-то беседовал, с горячностью то и дело показывая на скульптуру. Я поняла, что вижу его не впервые.

Однажды в библиотеке Ратмайнс я сидела напротив него и была поражена тогда, как и сейчас: самый красивый мужчина из всех, каких я когда-либо видела. Мы обменялись долгим взглядом.

Я в то время состояла в отношениях, но даже будь я свободна, то все равно не умела запросто вступать в разговор с незнакомым мужчиной. Позже я вспоминала его и решила, что он, вероятно, был в городе проездом. Такие люди – люди, которые вот так выглядят, не живут в Дублине или Ирландии, подумала я. Такие красивые люди не могут жить среди нас.

И вот он стоит в каких-то десяти футах от меня, и я снова

не могу оторвать от него взгляда.

У Кирана были пушистые темно-русые волосы, какие бывают у совсем еще младенцев.

Большие серые глаза и римский нос с горбинкой, под которым алел идеальный рот херувима. Неправдоподобно розовый, чуть скривившийся то ли в раздражении, то ли в готовности рассмеяться. Киран был высокий и сутулый – как человек, вытянувшийся слишком быстро и пытающийся скрыть свой рост.

Кисти рук узкие и непропорционально крупные – даже с учетом длинных конечностей. Казалось, кости у него более хрупкие, чем у прочих людей. Черты лица тоже необычные, хотя сначала в глаза бросалось сложение. Скулы такие высокие, что глаза смотрели зло, когда он говорил, длинные пальцы в такт словам цепко хватали воздух, словно расставляли безделушки.

Но главным в Киране была не его исключительная красота, а то, что весь облик излучал бесконечную завершенность. Эта завершенность была в каждом жесте, во взглядах, в смехе. Кирану ничего не требовалось извне.

В подобном месте, обители искусства, ваш собеседник обычно озирается, высматривая куратора, а потому это особенно поражало. Киран казался если не совершенно счастливым, то неоспоримо цельным, словно весь его мир был заключен внутри него самого.

2

Можно ли полюбить человека, не зная его, с одного взгляда?

Как мне описать случившееся со мной без слова «любовь»?

Стоя в той галерее, я чувствовала не только сексуальное влечение (которое смутно осознавала белым шумом), но нечто, что я могу описать лишь как тяжелую и тревожную жалость.

Я вовсе не имею в виду, что чувствовала свое превосходство над ним. Почти всю нашу совместную жизнь я полагала, что Киран лучше меня как в сущностном, так и в поверхностном отношении.

Говоря про жалость, я имею в виду, что, просто взглянув на него, ощутила острую нежность к увиденному: он был человеком. В тот момент обыкновенные симпатия и сочувствие, которые я испытываю к любому человеку, обострились до такой степени, что я не могла дышать.

Даже сейчас, даже после всего, что произошло между нами, я по-прежнему чувствую, что он задевает меня за живое.

Киран не был ни первым красивым мужчиной, с которым я переспала, ни первым мужчиной, вызвавшим у меня навязчивую одержимость, но это был первый мужчина, которого я боготворила. Его телу предстояло стать для меня молельней,

местом, где я могла забыть о собственной плоти и слиться с его. Это было абсолютное наслаждение, абсолютная красота.

По-вашему, я не осознаю, что называю его тело местом, объектом? По-вашему, я не осознаю, что такое быть женщиной, говорящей так о теле мужчины? Что я знаю о теле мужчины – и может ли хоть один из них заслуживать или нуждаться хотя бы в толике такого благоговения?

Каково это – быть красивым, но в то же время невидимым, стоит только захотеть? Каково быть красивым мужчиной?

3

Киран поймал мой взгляд, слегка улыбнулся и округлил глаза – как я надеялась, в память о нашей предыдущей встрече. Я подошла к нему, и он, прервав разговор, повернулся ко мне.

– А, это ты, – сказал он, словно мы договаривались встретиться.

– Она самая, – глупо сказала я и покраснела, услышав свой голос как бы изнутри собственной головы. Он звучал очень по-ирландски и был натужно весел. Киран говорил с акцентом, который я не смогла определить.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Киран, – сказал он и, словно прочитав мои мысли: – Но у меня только отец ирландец, а сам я датчанин.

Я встретила с ним взглядом, и стыд во мне смыло удовольствием, уже соединившим нас.

Мы застенчиво улыбнулись друг другу.

– Как тебе выставка?

– Ну, – я постаралась ответить как можно быстрее и уклончивей, – это ведь просто уйма всякой всячины в какой-то комнате. Я не особо западаю на такое. Меня тут больше выпивка интересуется.

Он оставил без внимания мои последние слова, сказанные с целью вывести нас оттуда, где мы находились, туда, где я

ощущала бы себя комфортней.

– Разве наша задача не в том, чтобы попытаться понять, почему вся эта всячина именно в этой комнате? – спросил он.

Я поискала в его вопросе насмешку, но он, казалось, задал его без задней мысли.

– Просто с искусством я никогда не чувствую себя на твердой почве. О других вещах у меня есть некоторые знания, так что я могу их обсуждать. А тут я могу сказать все что угодно. У меня просто нет точки отсчета.

Он снова улыбнулся мне. Теперь в его взгляде появилось что-то определенно сексуальное, почти зловещее.

– Как раз это мне больше всего и нравится в искусстве.

– Может, чего-нибудь выпьем? – спросила я.

– Я ухожу, да и выпивка у них все равно закончилась – вот, возьми. – И он протянул мне свой почти полный бокал с пивом и поднял свою сумку. – Не хочешь прогуляться вместе завтра?

Приняв мой тупой взгляд за согласие, он написал на салфетке номер телефона и протянул мне.

– Хорошо, – сказал он и ушел.

В то время я жила в Рэнела¹, в однокомнатной квартирке на первом этаже; окно я всегда держала открытым, чтобы забраться внутрь, если потеряю ключи, что часто случалось. В первый вечер после переезда, разобрав вещи, я сидела на кровати и оглядывала памятные мелочи и пустяки: рисунки и записки от друзей и бывших возлюбленных, открытки, фотографии, фарфоровые фигурки, антикварные пепельницы. Я нуждалась в этих вещах, расставляла их сразу же, перебравшись на новое место, но в тот момент они показались мне глупыми. Все эти безделицы походили на реквизит плохой театральной постановки, имитировавшей индивидуальность, которой не существовало.

Начав жить одна, я стала отделяться от самой себя – глубже и гротескней, чем прежде.

Существовала моя социальная жизнь – жизнь, в которой я работала, ходила танцевать и выпивать, в компаниях была забавной и энергичной; в которой я строила глазки мужчинам в барах и иногда приводила их к себе; в которой я говорила людям, что люблю жить одна, и они верили, потому что я выглядела такой счастливой.

И я действительно была счастлива, когда казалась счастливой. Я не умею изображать чувства, просто чувства мои

¹ Район Дублина. – *Здесь и далее примеч. перев.*

противоречивы и меняются от часа к часу.

А еще была жизнь, которую я проводила в своей квартире, едва ли не пытками принуждая себя к покою и безмятежности. Я неспособна наслаждаться одиночеством и, понимая, что неспособность эта – признак слабости, заставляла себя терпеть одиночество как можно дольше, до надрыва, хотя порой и думала, что вот-вот спячу.

Находясь среди людей, я ощущаю, будто я состоялась. Отсюда же и потребность во влюбленности. Если ты влюблена, то тебе не требуется ежеминутное физическое присутствие объекта твоей любви, чтобы чувствовать свою состоятельность. Сама любовь поддерживает тебя, придает осмысленность самым паршивым мгновениям, которые в противном случае ты провела бы, уверяя себя, что ты личность, меряя шагами свою сраную квартирку, дожидаясь семи, чтобы откупорить вино.

Влюбленность осеняет благодатью. Один друг как-то сказал мне, что за работой воображает, будто на него смотрит его отец, а то и Господь, а это помогает сосредоточиться. Для меня эту роль играет влюбленность – щит, высшая цель, обещание, данное чему-то извне.

В вечер нашей первой встречи с Кираном я напилась как никогда. У меня два вида опьянения. Первое обычно наступает, когда я пью в одиночку с единственной целью развеять тоску. Это опьянение медленное – бокал вина примерно раз в полчаса, – довольно умеренное, хотя я никогда не выпиваю

меньше бутылки, и заканчивается все слезливой жалостью к себе, иногда переходящей в ненависть.

Другому, куда более безудержному виду опьянения сопутствует бьющая через край, почти маниакальная бодрость; в такие вечера я спускаю огромные суммы, которые позволить себе не могу, – а все потому, что все, что лежит за пределами настоящего момента, кажется абсолютно нереальным, а сиюминутные желания – самыми важными и безотлагательными.

В такие вечера невоздержанность моя вовсе не была спутницей уныния, напротив – она свидетельствовала о том, что я молода, обязательств у меня нет, а жизнь моя стабильна. Обычно такой вечер можно было предугадать по какому-то озорству, разливавшемуся в воздухе, когда мы принимались за выпивку. Первые порции мы опрокидывали залпом, жадно предвкушая ощущение раскованности и экзальтации. У каждого из нас уже имелся комплект обманутых ожиданий.

В подобные вечера я иногда встречала людей, не похожих на меня – из богатых семей, обитавших в квартирах, подаренных им родителями так же запросто, как мне дарили браслеты с брелочками и купоны на книги в день рождения. Один такой парень, Роджерс, – жилистый коротышка с высоким пышным начесом светлых волос а-ля «Возвращение в Брайдсхед», колыхавшимся над фарфоровым лицом, – вылетел из университета примерно в то же время, что и я. Через несколько месяцев я столкнулась с ним на вечеринке и

спросила, чем он занимается. И с удивлением услышала, что он подвизается на средней должности в крупной рекламной фирме, – но ведь нам обоим было всего по девятнадцать и мы оба не имели дипломов. Сама я подрабатывала за мизерные деньги в магазинах и барах.

Когда я по простоте душевной спросила, каким образом ему удалось так устроиться, он подмигнул и сказал:

– Фамилия Роджерс кое-что значит в этом городке!

Заявление само по себе довольно отвратительное, но когда наш общий друг обмолвился, что фирма принадлежит родителям коротышки, оно мне показалось еще и нелепо смехотворным. «Фамилия Роджерс кое-что значит в семье Роджерс», – с праведным возмущением думала я про себя с тех пор при каждой нашей встрече.

Как и большинство моих друзей, я была правильной пьяницей: не только любила выпить, но и умела это делать, не впадая в агрессивность по мере опьянения.

Мою жизнь отравляли похмелья. Едва ли не каждое утро я просыпалась с похмельем, причем дважды в неделю – с тяжелым. Тогда я весь день валялась в постели, безучастно и бесцельно копаясь в телефоне, замыкалась в этой спасительной заикленности. Часа в четыре я вглядывалась в солнце сквозь занавески и решала, что лучше уж пересажу дома до темноты. Мне было очень страшно.

Однажды я прошла тест, определяющий уровень алкогольной зависимости. Последний вопрос в разделе, который

должен был выявить «алкоголизм на последней стадии, опасной для жизни», звучал так: «Часто ли вы просыпаетесь после запоя вне себя от страха?» И тогда я подумала: «Вне себя от страха – в самую точку».

Вне себя от страха. Точное определение какого-то старческого ужаса, с которым я просыпалась. Он напоминал кинематографические образы балансирующих на грани слабоумия старух-вдов, которые перестали ориентироваться в собственном доме, – их снедали беспричинные тоска и смятение. Вне себя от страха я просыпалась регулярно.

Уильям Фолкнер на последней стадии алкоголизма отправился в Нью-Йорк навестить друзей и посмотреть несколько пьес. Через десять дней беспробудного пьянства он исчез. Один из его друзей пришел к нему в гостиницу его проведать и, не достучавшись и не дозвавшись Фолкнера, настоял, чтобы сотрудники гостиницы впустили его в номер. Ворвавшись в комнату, они нашли стонущего в полузабытьи писателя на полу в ванной.

В воздухе висело характерное зловоние. Несмотря на минусовую температуру, все окна были нараспашку. Ночью Фолкнер встал, чтобы опорожнить желудок, и упал на трубу радиатора. Он потерял сознание и несколько часов не чувствовал, как труба прожигает ему спину. К тому времени, как его обнаружили, он заработал ожог третьей степени.

В больницу вызвали врача Фолкнера, доктора Джо, и тот спросил его:

– Зачем вы так себя ведете?

Фолкнер якобы набычился и ответил:

– Потому что нравится!

К нему приехал его издатель Беннет.

– Билл, – сказал он, и я представляю, как он смотрел вниз на свои ладони и покачивал головой, не в силах встретиться взглядом с другом, – зачем ты поступил так в свой отпуск?

Фолкнер ощетинился:

– Беннет, это ведь был мой отпуск.

Зачем ты так себя ведешь? Потому что нравится.

То есть не то чтобы я получала от этого удовольствие, но это был мой выбор.

Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Бедный я человек!
Кто избавит меня от сего тела смерти?

Римлянам, 7:15—25

Вечером после знакомства с Кираном я пила, пока меня не вырвало. Сосуды вокруг радужки полопались, и я нежно провела пальцем по зеркалу, уверенная, что это новое начало.

В ранней юности я пережила события несомненно худшие, чем то, что ждало меня с Кираном, – отвратительные контрольные точки травмированной женщины. Не хочу говорить о них раньше времени, потому что при одном упоминании о таком просвещенный читатель неизбежно потеряет интерес. Женские страдания дешевы и дешево используются бесчестными женщинами с единственной целью – привлечь внимание, а ведь жажда внимания – бесспорно, самый тяжкий из всех наших смертных грехов.

До знакомства с Кираном я всегда страдала по-детски. Это вовсе не значит, что мои страдания были неглубоки или что я их не осознавала. Но до Кирана я видела в страдании какой-то смысл. В моем понимании даже у самых необъяснимых трагедий была некая еще неведомая цель.

Я полагала, что бывают люди везучие и невезучие, и я – одна из везучих. Даже в моменты тяжелой депрессии я всегда знала это и чувствовала себя несчастной просто потому, что считала себя не заслуживающей удачной жизни.

Мне никогда не приходили в голову такие простые и набожные мысли, как «Всему есть свои причины» или «Господь не дает нам больше, чем мы можем вынести», но чувствовала я именно это. Мне казалось, что у каждой человеческой жизни есть замысел и предназначение. Мне казалось,

что любое, даже самое великое несчастье так или иначе приводит каждого из нас к особому и неизбежному итогу.

В моем понимании каждый поступок приближал мою судьбу, а моей судьбой была влюбленность.

Любовь была великим утешением, ей предстояло сжечь пажити моей жизни дотла. Я считала ее великой уравнилицей, силой, которая очистит меня и вознесет до своих высот. После раннего детства в моей жизни не было религии, и взамен я культивировала великую веру в любовь.

О, не смейтесь надо мной за то, что я, женщина, говорю вам такое. Я сама себя слышу.

Утром я написала ему, и мы договорились встретиться в два часа перед Музеем естественной истории. Я приняла обжигающий душ, зубы почистила так остервенело, что сплюнула в раковину кровь. У меня было сильное похмелье, но больной я себя не чувствовала и, к своей радости, пребывала в приятном переходном состоянии – к полной трезвости. Идти по жизни с похмелья – суровое испытание, но и без него – тоже не сахар. В похмельном тумане и отупении день пролетает почти незаметно, вы слишком увлеченно нянчитесь со своими хворями и жаждой, чтобы тревожиться о чем-то еще.

Я не ела с обеда предыдущего дня и беспокойно шагала к месту встречи. Я попыталась восстановить в памяти его лицо и обнаружила, что влюбленность моя столь сильна, что ничего не выходит. Я помнила отдельные черты, но когда пыталась собрать их воедино, они превращались в расплывчатое пятно. Я нервно рассмеялась и покачала головой, исполнившись нежности к себе. Я люблю себя влюбленной. Свои чувства я считаю облагораживающими и человечными и в такие моменты одобряю себя.

Он уже бродил по лужайкам, разглядывая живые изгороди, подстриженные в форме животных. Я подошла к нему, коснулась его локтя, ощутила его тепло сквозь ветхий бурый

кардиган. Я заметила это еще в галерее: хотя одежда смотрелась на нем элегантно, но на самом деле могла вот-вот расползтись на нитки. Она выглядела не модно потертой, она и в самом деле давным-давно отслужила свой срок. Я безотчетно уважала это – практичность. Отец как-то сказал, что больше всего на свете в людях его восхищает практичность, и с тех пор я обращала на практичных людей особенное внимание.

Мы обнялись в знак приветствия, и я почувствовала, насколько он худой под своей мягкой, потрепанной многослойной одеждой. Мне показалось, что с прошлого вечера в нем что-то слегка изменилось. Он по-прежнему был безмятежно спокоен, но в лице появилось какое-то напряжение. Возможно, он нервничал. Как и я, но причиной моей нервозности была наша трезвость. Все прежние мои романтические связи начинались по пьяни и, как правило, случайно.

Музей – не самый удачный выбор для первого свидания. Мы были вынуждены переходить с места на место и смотреть на что-то, не только друг на друга. Изредка мы нарушали молчание, высказывая замечания об экспонатах. Этих обрывочных реплик хватило, чтобы полушепотом обменяться основными сведениями. Я узнала, что он переселился в Дублин год назад, чтобы побыть с занемогшим отцом, которому сейчас стало лучше. Он приехал из-под Копенгагена, где писал художественную критику, а здесь пытается писать эссе, но платят ему за рецензии для журнала.

Паузы погружали меня в едва выносимую тревогу, я боялась, что вот-вот нервно рассмеюсь. Да и сам музей ситуацию не улучшал: некоторые из экспонатов в этом обветшалом, темном и прекрасном старом здании казались просто уморительными. Иногда мы с друзьями приходили туда с похмелья и ржали, разглядывая старые, неумело набитые чучела. Но Киран бродил между ними с совершенно серьезным видом, и я почувствовала себя душой из-за того, что давлюсь смехом.

Пока Киран рассматривал бабочек, я украдкой разглядывала его. Мне хотелось подойти поближе. Я шагнула к нему, взяла за локоть в потрепанном рукаве и спросила, не хочет ли он перекусить.

По лестнице мы спустились в очередном молчании, а на улице он повернулся ко мне и сказал:

– Что ж. Это был очень плохой музей.

Его серьезность рассмешила меня, и он рассмеялся вместе со мной.

Мы провели вдвоем остаток дня и еще немного поговорили о нас. Он описал свой родной город и сказал, что уехал оттуда без сожалений. Я призналась, что меня исключили из университета и с тех пор я сменила кучу случайных работ. Рассказала, что тоже пишу – точно так же, как всегда рассказывала об этом людям: благочестиво, точно святоша, опустив взгляд, волнуясь и втайне немного надеясь, что они захотят меня расспросить. С большинством мужчин эти на-

жды были напрасными, и Киран не стал исключением. Он коротко кивнул и заговорил о другом.

Ближе к вечеру мы прогулялись по набережным, а потом он отправился к себе в студию работать. Прощаясь, он поцеловал меня, после чего взял мою голову в ладони и, с нежным удовольствием вглядываясь в лицо, сказал, что мы скоро увидимся.

Когда мы разошлись каждый в свою сторону, я обернулась на него через плечо. Он сделал то же самое, и меня наполнила головокружительная легкость. Мы оба рассмеялись, я отвернулась – и вдруг в избытке чувств бросилась бежать. Я бежала, бежала и не переставая смеялась от изумления, вспоминая, как он меня поцеловал, и думая, что теперь никогда не захочу целовать никого другого.

Оглядываясь назад, я больше всего удивляюсь тому, как спокойно мы провели тот день. Мы отлично поладили, понравились друг другу, явно ощутили взаимное влечение, но переломный момент в нашем разговоре так и не наступил. С другими мужчинами я чувствовала, что все фрагменты встречи выстраиваются в единый ритм, но с ним этот миг так и не настал.

Скорее всего, я сознавала это уже тогда, восторженно несясь по набережной вдоль апрельского заката. Мне было наплевать, есть ли у него чувство юмора, какое впечатление я на него произвела и какие книги мы оба читали.

Я влюбилась в него, и ни он, ни кто-либо другой не мог

ничего с этим поделаться.

До Кирана я примерялась и к другим мужчинам. Я много чего перепробовала. Я вошла в странный возраст. Я уже была не едва достигшей совершеннолетия девочкой, а вполне опытной, обладавшей властью над мужчинами, однако нисколько не походила и на взрослую независимую женщину.

Я располагала к себе людей, потому что была, с одной стороны, вполне привлекательна, а с другой – безобидна. Жизнерадостная, доброжелательная, изредка в меру язвительная. Я выглядела и трахалась, как женщина, но пила, принимала наркотики и выражалась, как парень. Я могла привести к себе какого-нибудь долговязого женоподобного диджея, а наутро мы вместе слонялись по городу без неловких намеков на романтику и обязательства.

Прежде чем разойтись, мы, не снимая нелепых шуб, выпивали по чашке кофе или по заговорщицкой, слишком ранней кружке пива, а тем же вечером я встречала его в другом клубе с девушкой из тех, что выглядят куда более настоящими – высокие стройные студентки, изучающие изящные искусства и подрабатывающие моделями. Пожалуй, больше всего на свете я мечтала быть такой же настоящей, как они, но не знала другого способа сблизиться с парнями, кроме как потусить вместе. Я не была совсем уж лишена ценных качеств, вот только цениться я хотела за что-то иное, а как

добиться этого, я понятия не имела.

Постепенно моя тусовочная жизнь сошла на нет. Я слишком часто спала с чужими парнями, меня рвало в слишком многих гостиных. Я перестала быть милой веселушкой, превратилась в веселушку истерическую, а потом и вовсе начала чувствовать себя слишком старой.

У меня вошло в привычку сходиться только с мужчинами гораздо старше себя. Занять себя я не умела, а втянуться в их жизнь было просто. Их не особо волновало, насколько я красива, талантлива и интересна. Все-таки я была еще очень юна, хотя уже и не могла сойти за клубную диковинку. Но достаточно юна, чтобы привлекать их одной своей юностью – настоящий символ всего того, что сами они уже потеряли.

Незадолго до знакомства с Кираном я познакомилась с одним таким мужчиной на презентации книги. Он работал редактором в «Американ» – маленьком независимом поэтическом журнале, – носил смешные толстые очки и вязаные жилеты и говорил гнусавым, слишком громким голосом, благодаря которому я его и заметила. На протяжении всех нудных речей на презентации он с таким безразличием к окружающим беседовал с другом, что я рассмеялась. Друг отвечал шепотом и пытался его урезонить, но редактор словно не замечал и продолжал монотонно разглагольствовать с тягучим калифорнийским акцентом. Он поймал мой взгляд, улыбнулся, и остаток вечера мы пили вместе.

Меня поражают не слишком-то привлекательные мужчи-

ны, которые считают, без особых на то оснований, что могут иметь все и делать все, что только пожелают. Я всегда с научной точностью определяла относительную красоту людей, с которыми хотела сойтись, и держалась подальше от тех, кто был намного красивее меня. А парни вроде этого редактора живут припеваючи и не задумываясь тянут руки за любой приглянувшейся блестяшкой. Справедливость сделки их не интересует, они просто подкатывают к девушкам со слегка боязливой улыбкой и настолько необъяснимой и завидной самонадеянностью, что кажутся почти очаровательными.

– У меня как бы есть подруга, – выдохнул он мне в рот после того, как прижал меня к стене.

– Ясно, – ответила я, закатила глаза и снова его поцеловала.

Через несколько недель он впервые привел меня к себе в дом, и я тут же утратила свое иллюзорное преимущество. Он был богат. Огромная трехкомнатная квартира на Меррион-сквер, сплошь бархатные диваны и кресла, была оформлена в бежевых тонах. С одного из диванов нам сонно моргала маленькая корги по кличке Горошинка. Иногда кажется, что молодость и красота равноценны реальной власти, но они ничто в сравнении с деньгами.

Он подвел меня к кровати, и я почувствовала непривычное стеснение. Великолепие его жилища меня подавляло, мое дешевое белье из масс-маркета показалось убогим. Наконец он меня полностью раздел, уложил на кровать и, скло-

нившись надо мной, терпеливо отводил мои ладони всякий раз, как я пыталась прикрыться. Он делал это, пока я не перестала заслоняться и не замерла под его взглядом. Разглядывая меня, он выглядел таким счастливым. Он прикоснулся к каждому уголку моего тела и нежно поцеловал меня в лоб.

– Я давно этого хотел, – сказал он. – С тех пор как впервые тебя увидел.

– Я тоже, – соврала я, но на самом деле не хотела с ним спать.

Я хотела никогда с ним не спать, а просто переписываться, просыпаться от его сообщений, смешить друг друга. Я хотела, чтобы наши целомудренные кофейные свидания длились вечно, чтобы это никогда не кончалось, я знала, что секс станет для нас концом.

Было по-своему приятно, потому что он был очень возбужден, а мне нравилось вызывать в нем желание, но все, что он со мной делал, наполняло меня печалью. Все, что он делал, было очередным окончанием. Когда мы проделали все, что следовало, он отключился, а я, прижавшись к его успокаивающе полному, мягкому, уютному брюшку, так непохожему на животы тощих хипстеров, заплакала.

Утром я проснулась раньше него и пошла в кухню за водой. Я прогулялась по квартире, отмечая подробности, которые спяну не разглядела накануне ночью. В одной комнате все стены были заставлены книгами, стоять возле которых было так спокойно и умиротворяюще. По углам – кресла, в

которых два человека могли целый день читать в счастливом молчании, а вечером, когда настанет время быть вместе, снова заметить друг друга. Я погладила радостно запыхтевшую Горошинку, выглянула в окно на площадь и представила, каково было бы выгуливать ее там каждое утро и каждый вечер, – устоявшийся распорядок, жизнь, в которой знаешь, чем заняться по пробуждении.

Я вернулась в спальню и заметила на полу возле кровати, на которой я спала, пару туфель на высоких каблуках, флакон духов и увлажняющий крем от «Авен» на столике. Возможно, его подруга – ровесница моей матери, подумала я. Вот настоящая, реальная жизнь, в которую я вошла, притащив с собой свою грязь. Я никогда еще не чувствовала себя настолько жалкой, созданной для единственной цели – быть дешевкой. Он вызвал мне такси, и я поняла, что он никогда больше мне не напишет. Так и оказалось.

Я тогда работала официанткой в хипстерской гамбургерной и постоянно была на взводе от беготни и дорожек кокса, которые мы снюхивали в туалете в двойные смены. Мы с моей подругой Лизой жили вместе в доме, прозванном нами Лыжной хижинкой за странные низкие деревянные потолки, которые словно бы медленно опускались на голову. Мы с Лизой познакомились в нашу самую первую неделю в Дублине – обе изнывали от волнения на задворках какого-то кошмарного мероприятия для первокурсников и с мучительным облегчением встретились взглядами. Она приехала из городка, слывшего среди самоуверенных дублинцев (считавших деревенщинами, фермерами и зачатыми в инцесте простакками всех, кто родился за пределами безнадежно провинциальных столичных окраин) еще более захудалым и отсталым, чем мой собственный.

Мы сразу подружились и продолжали общаться даже после того, как я неожиданно вылетела из университета. Когда она выражала желание сходить на танцы, то, к моему удивлению, говорила буквально и не имела в виду, что хочет напиться. Я была благодарна ей за то, что хотя я пила гораздо больше нее, она никогда не заставляла меня комплексовать на этот счет и даже не давала почувствовать, что замечает мое пьянство. Невинная и общительная, она редко бывала

одна. Казалось, ей совсем не нужны ни анонимность, ни личное пространство, даруемые уединением. Я восхищалась ее непринужденностью и правильностью, ведь моя потребность в общении была иной, условной и обострявшейся, если ее не удовлетворить.

Мы съехались, когда она окончила университет и мы обе работали официантками на полную или почти полную ставку – в зависимости от прихотей наших менеджеров. По выходным мы кутались в пледы и флиски на нашем ужасном костлявом диване, слушали радио, писали в блокнотах, отправляли электронные письма или занимались «сбором информации», что в моем случае означало чтение статей в «Википедии» про малоизвестных серийных убийц и конспектирование поразивших меня подробностей: «Удерживая девушку в заложницах, он дал своей жертве почитать “Остров сокровищ” и посмотрел вместе с ней фильм “Капитан Крюк”». Или: «В подростковом возрасте убийца мог достичь сексуальной разрядки, только когда продырявливал женские фотографии».

Мы пили крепкий чай, не доставая из кружек пакетиков, дымили самокрутками, а по вечерам иногда вместе разгадывали кроссворд. Мы готовили еду из консервированных бобов, пожухшей зелени с кучей чеснока, нарезанных помидоров и анчоусов – разбивали во все это яйцо, жарили на плите и вытирали тарелки остатками хлеба, принесенными одной из нас из ресторанов, где мы работали. Хотя я, в отличие от

Лизы, беспокоилась и с тревогой ждала, что будет дальше, наш бытовой союз меня успокаивал. Меня восхищала ее способность превращать любое место в дом: уже через несколько дней после нашего заселения даже отвратительный сырой туалет обзавелся настенными украшениями и статуэтками и ощущался нашим.

Лиза была настолько неисторченной, что иногда я невольно закатывала глаза: ее пикники, трезвые званые ужины со съедобными цветами и жареными целиком рыбинами и приключения в поездах казались мне личным оскорблением. По правде говоря, я хотела всего этого хотеть, с радостью жила бы такой жизнью. Точнее, я с радостью производила бы впечатление, что ею живу. Все, что Лиза делала для удовольствия, хорошо смотрелось со стороны, но не привлекало меня само по себе. Я думала, что жизнь, которая выглядит такой чистой, размеренной и возвышенной, позволит мне получить то, чего я хочу на самом деле, – новых людей, их внимание, влечение, любопытство.

Иногда я испытывала к людям вроде Лизы – людям, которые никогда не выходят из себя, во всем соблюдают умеренность и ложатся спать не позже часа ночи, – что-то похожее на презрение. Я ценила в себе постоянную готовность потакать своим желанием и поддаваться сиюминутным низменным телесным порывам, которую принимала за вольный дух. Возможно, этим благоразумным людям просто не хватает смелости вести такой же честный образ жизни, как я?

Мне не приходило в голову, что Лиза поступает именно так, как хочет, что ей хочется жить своей спокойной и воздержанной жизнью. Я не считала так, потому что мне казалось непостижимым, что можно выпить и не захотеть еще. Я не понимала, что у некоторых нет такой потребности.

По вечерам Лиза иногда открывала красное вино, украденное одной из нас из ресторана, делала глоточек, потом глоток побольше и, с удовольствием выдохнув, отставляла бокал. Следующие пару часов она попивала из него, пока читала или возилась на кухне. Наслаждение первым бокалом вина было мне чуждо; я, морщась, осушала бокал залпом, алкоголь, накладывавшийся на вечное похмелье, был на вкус мерзким и кислым, пока не начинали действовать первые две порции.

В свой двадцать первый день рождения я устроила у нас дома вечеринку. Лиза и ее новая девушка Хен пекли в кухне торт для меня. Одеваясь у себя в комнате, я слышала внизу их нежное оживленное воркование, и когда я сошла по винтовой лестнице Лыжной хижины в летящем красном платье в пол, обе ахнули от восхищения.

Лизе удалось нечто, казавшееся мне столь же невозможным, как умеренность в выпивке: она оставалась одна – по-настоящему одна, даже на свидания не ходила, – пока не нашла своего человека. За время нашего знакомства она почти ни с кем не целовалась, и я втайне удивлялась, что ей не скучно и не одиноко, хотя и понимала, что ее образ жизни

лучше моего. Благодаря воздержанию можно заслужить историю любви.

С Лизой так и произошло – она сама построила свою жизнь, счастливую и самодостаточную. Потом в эту жизнь вошла Хен, только и всего. Они были влюблены, и в их отношениях не было ничего мучительного и унижительного. Все сложилось так, как они рассказывали, и я знала, что со мной никогда не произойдет ничего подобного, потому что не могла провести и дня, не говоря уже о нескольких годах, не озираясь в поисках кого-то, на кого можно направить свои чувства.

Помню, что многие делали комплименты моему эффекثному платью и просили меня покружиться, чтобы посмотреть, как оно красным облаком взлетает вокруг меня, и я чувствовала себя красивой и остроумной. Помню, что в какой-то момент все собрались в бар и, когда мы высыпали на улицу и курили на тротуаре, дожидаясь остальных, я поссорилась с нашим соседом. Помню, что чувствовала себя во всеоружии в своем праздничном наряде и держалась вызывающе и что, когда я ему грубила, Лиза положила руку мне на плечо. После помню только, что на следующий день почему-то проснулась не в своей постели, а в Лизиной.

Я осторожно, не чувствуя высоты, спустилась по лестнице и обнаружила Лизу, убирающую коробки из-под пиццы и переполненные пепельницы.

– Ох, что стряслось прошлой ночью? – спросила я с дела-

ной непринужденностью и смехом в голосе. Живот свело от страха. – Почему я очутилась у тебя в кровати?

– Ночью ты перепачкала свою постель кровью, поэтому я прибралась и уложила тебя к себе.

Она наводила порядок, стараясь не встречаться со мной взглядом.

– О господи, Лиза, прости, пожалуйста. Я, наверное, по пьяни вытащила тампон. Боже, я ужасно извиняюсь.

– Ты была там с Питером, – сказала Лиза, нахмурившись. Ее расстраивало и само случившееся, и то, что ей пришлось мне об этом сообщить.

Питер находился в прерывистых отношениях с нашей общей близкой подругой, милой девушкой по имени Грета, на которую все, зная, насколько она слепа к его изменам, смотрели с покровительственным сочувствием.

Я не нашлась что сказать, поэтому визгливо рассмеялась и повторила «О господи!», словно Лиза рассказала мне про обычный конфуз вроде пролитой выпивки. Тогда она наконец на меня посмотрела, и я почувствовала себя раздавленной ее взглядом, в котором было больше беспокойства, чем осуждения. В тот момент я поняла, что только Лиза видит меня такой, какая я есть. Она одна видит переполняющий меня океан зависимости, который никогда не перестанет выплескиваться через край, уничтожая все на своем пути, но не ненавидит меня за него, а жалеет. Пораженная этим мгновенным страшным осознанием, я, вздрогнув, отвернулась,

ушла наверх и не спускалась, пока не услышала, что она выходит из дома.

Вскоре после той вечеринки Лиза сказала, что переезжает в Берлин с Хен. В глубине души я почувствовала облегчение. Жить с ней после того, как она *так* посмотрела на меня в то утро, было выше моих сил, но вместе с тем мне было невыносимо, что она меня бросает. Я не хотела, чтобы она была рядом, потому что она единственная видела меня настоящей, но по той же причине не могла ее потерять.

В месяцы до ее отъезда я постаралась быть верной и заботливой подругой. Я пыталась без слов сказать, что она мне нужна, она – моя единственная здоровая потребность, сказать, что после того, как она меня покинет, я буду нуждаться в ней еще сильнее. Лиза пообещала, что не перестанет дружить со мной только из-за переезда, и по большому счету сдержала слово.

После первого свидания мы с Кираном начали видеться по несколько раз в неделю. Закончив вечернюю смену в ресторане, я пешком или на такси отправлялась к нему. Он жил в квартире на первом этаже, возле Килмэнхемской тюрьмы. Мой рабочий график его не смущал. Он всегда страдал от бессонницы, засыпал только между четырьмя и восемью утра. От меня пахло кухней и слегка потом. Он набирал мне ванну, и я нежилась в ней, слушая, как он, напевая себе под нос, заваривает нам чай или горячий шоколад, выкладывает на блюдце черствые печенья.

Он почти не пил и был совершенно равнодушен к еде. В детстве, после автомобильной аварии, он лишился обоняния и практически полностью потерял чувство вкуса, а потому никогда не держал дома ничего, кроме продуктов, необходимых, чтобы подкрепиться, – огромных запасов пресных мюсли, консервированного нута, белого риса. После того как я спускала воду в ванне, он давал мне свою футболку и дырявые, мягкие от старости кальсоны из вафельной ткани. Я часто оставалась у него, но пижаму приносить не хотела: мне нравилось ощущать прикосновение его одежды, чувствовать запах его мыла «Пирс».

Потом мы в обнимку сидели на диване и, медленно поглаживая друг друга, тихо обсуждали, как прошел день. Как

добры мы были в те вечера! Мы негромко, снисходительно смеялись над высказанными друг дружкой маленькими наблюдениями и касались друг друга бережно и нежно, словно боясь разрушить соединившее нас новое чувство.

Когда мы впервые занялись сексом, я была вне себя от счастья и очевидной правильности происходящего между нами. От его рта исходил какой-то идеальный запах, почти осязаемый на вкус, – я знала, что этот не поддающийся определению запах вызывают те же химические вещества, которые влекут друг к другу наши тела.

(Через несколько недель один из поваров с моей работы приготовил трюфельную эссенцию. «Понюхай!» – сказал он и протянул ее мне. Поводив ею под носом, я сразу подумала: «Это Киран».)

Вечером мы часто слушали пластинки. Ему нравились Боб Дилан и Хэнк Уильямс, поэтому я тоже их полюбила. Иногда мы брали напрокат фильмы и смотрели, забравшись в постель. Он был такой большой, что я могла сидеть у него на коленях, не причиняя ему никакого неудобства. Мы смотрели дрянные малобюджетные ленты пятидесятых годов, которые нравились нам обоим, но особенно веселили его. Мне всегда было любопытно, что его смешит и радует, ведь обычно он был очень серьезным.

Вначале казалось, что это невинная и даже восхитительная серьезность малыша, познающего окружающий мир, – реакция, вызванная новой информацией. Возможно, Киран

просто еще не освоился в Дублине, думала я. Но когда мы узнали друг друга получше, его серьезность открылась с иной стороны.

Очень многое вызывало у него злость или, еще чаще, отвращение. Ему были непонятны мелкие происшествия, которые мне казались неприятными, но совершенно обыкновенными. По воскресеньям, когда мы гуляли по Меррион-сквер или Феникс-парку, дети на улице иногда выкрикивали ему вслед насмешливые дразнилки из-за его очков и поношенной одежды. «Почему они так себя ведут?» – требовательно спрашивал он у меня, сгорая от ярости, и оглядывался на них, словно собираясь вступить в перепалку. Я сочувствовала, соглашалась и старалась как можно деликатнее увести его прочь.

У него в квартире наши разговоры могли привести к получасовым возмущенным тирадам о бездомном, который каким-то образом оскорбил его на улице, или художнике, нагрубившем ему при случайной встрече. В конце концов Киран вставал, сердито сворачивал самокрутку и принимался мерить шагами комнату, куря и пересказывая мнимую обиду. Поскольку его злость всегда была довольно сдержанной, я не беспокоилась; в том, что он изливал мне свои жалобы, было даже что-то умилительное, объединяющее и сплачивающее.

Я выражала комически преувеличенное сочувствие, держала его, расхаживающего туда-сюда, за потрепанный рукав

и тянула к себе на диван.

– Бедный кроха! – сюсюкала я и, прижав его голову к груди, покрывала его лицо градом поцелуев, пока не удавалось его рассмешить.

В конце мая я позвала Кирана в галерею на чтения, которые устраивали мои друзья. С кем-то из них он уже мельком пересекался, других немного знал по выставкам. В тот раз мы впервые вместе отправились на мероприятие и вели себя на людях как пара. На мой взгляд, мы уже провели вместе столько времени, что, по сути, и были парой, как нас ни называй.

Киран с самого начала был раздражен и держал каменное лицо. Он не хотел идти, но уже условился встретиться со мной вечером и не придумал убедительной отговорки. Пока я общалась с другими гостями, он молча смотрел поверх наших голов, словно тяготясь присутствием кого-то невидимого никому из нас.

Несколько раз мои собеседники переглянулись, вероятно заметив его странное поведение. Киран и раньше бывал неразговорчив, но никогда не вел себя настолько грубо. От неловкости я заговорила громче и быстрее. Я нежно держала его за руку и, когда речь зашла об издании, на которое он иногда работал, повернулась и задала ему какой-то вопрос. Киран слегка кивнул и, продолжая смотреть в сторону, вырвал у меня ладонь и сунул руку в карман.

Во время чтений на его лице застыло почти комическое презрение. Я смотрела прямо перед собой и надеялась, что

никто ничего не заметит. Когда все закончилось, я схватила его за рукав и вытащила на улицу, пока никто не пристал к нам с разговорами.

– Что ты творишь? – спросил он, стряхнув мою руку.

– Почему ты так грубо себя ведешь?

Я была готова расплакаться и ненавидела себя за эти подступающие слезы. Мне не терпелось пойти туда вместе, со всеми его познакомиться, похвастаться своим красивым, интересным парнем.

– Чтения были паршивые. – Киран покачал головой, роясь в сумке в поисках табака.

Подняв глаза и поймав мой взгляд, он увидел, что я вот-вот разрыдаюсь, выпятил подбородок и поджал губы – впоследствии я очень хорошо узнала эту гримасу отвращения и возненавидела ее до глубины души.

– Разумеется, паршивые! – сказала я. – Это просто дурацкие чтения. Хорошие друзья ходят друг к другу на чтения для моральной поддержки и притворяются, что им все понравилось, даже если это не так.

– Эти люди мне не друзья. Они не становятся моими друзьями только потому, что мы с тобой вместе спим.

Я не знала, что ответить. Сведя наши отношения к сексу, он нарочно постарался сделать мне больно. Я опустила голову и расплакалась, зная, что знакомые, перешептываясь, смотрят на меня с крыльца галереи.

– В чем дело? – спросил он. – Ты хотела, чтобы я сказал,

что начинаю в тебя влюбляться? Потому что это не так.

– Нет, – сказала я и, не в силах больше препираться, развернулась и пошла домой.

В тот раз он впервые повел себя со мной настолько холодно, но его холодность вспышками проявлялась и раньше.

Однажды вечером мы обсуждали у него на кухне художника-акциониста Криса Бердена, о котором я знала только, что он позволил выстрелить себе в плечо на камеру. У Кирана загорелись глаза, и он сказал, что мне надо почитать про «Телевизионный захват». Он взял телефон и показал фотографию, на которой какой-то мужчина стоял позади сидящей на стуле женщины, прижав ладонь к ее горлу. Задник был ярко-голубой. Женщина как будто пыталась вырваться.

Киран объяснил, что это одна из ранних работ Бердена, вдохновленная его интересом к телевидению, позже этот интерес вылился в более известную работу под названием «Телевизионная реклама». Обстоятельства, приведшие к «Захвату», были таковы: арт-критик по имени Филлис Лютжинс пригласила Бердена выступить с перформансом на передаче об искусстве и культуре, которую она вела на местном телевидении. Несколько сделанных Берденом предложений были отклонены либо телеканалом, либо Лютжинс, и в качестве альтернативы он согласился дать интервью. По его настоянию беседа транслировалась в прямом включении.

Когда он приехал, Лютжинс начала с вопросов о предложенных им акциях, которые в итоге были отвергнуты. Вне-

запно Берден встал позади нее и приставил к ее горлу нож. Он пригрозил убить ее, если канал остановит трансляцию, после чего подробно описал, на какие непристойные действия собирается вынудить ее в прямом эфире.

Лютжинс не была предупреждена о планах Бердена. Ее страх и унижение были искренними.

Я слушала Кирана, с растущим беспокойством глядя на фотографию.

– Она не знала? – переспросила я. – Он просто угрожал ей ножом?

– Не в этом суть, – ответил Киран. – И вообще, она была не против. Она сама потом так сказала.

Позже я нашла интервью, в которых Филлис Лютжинс подтверждала, что не состояла в сговоре с художником и была потрясена и напугана, но при этом защищала его перформанс – таков уж, мол, стиль Бердена.

Я долго думала о том, могла ли Лютжинс повести себя иначе, и представляла, как она, высвободившись, развернулась и вгляделась в лицо Бердена. Ей пришлось за секунду решить, как поступить: заплакать, наорать на него или сделать вид, что ничего особенного не случилось.

Что бы выбрали вы? Прославиться как истеричная декорация в произведении художника, как жертва, принесенная богам искусства, или подыграть и поаплодировать? Будь панинкой, и большие дяди пусть посидеть за своим столом. Так что валяй: ха-ха-ха.

2019, Афины

Быть женщиной – значит проявлять виктимность через ее эксплуатацию, ее отрицание, ненависть к ней, через любовь к ней или все вместе взятое. Позиция жертвы вызывает скуку у всех. Мне скучно определять себя через переживания, которые бесконечно пережевываются в мыльных операх и таблоидах.

Не потому ли мне так стыдно рассказывать о некоторых событиях или даже находить их достойными внимания? Отчасти поэтому заурядное насилие столь ужасно. Ваш опыт так банален, что интересно о нем рассказать невозможно.

Стоит мне сказать что-то о своей боли, и голос мой вливается в хор Изнасилованных женщин, становится чужим, не моим.

Я не могу пробиться – да и не очень-то хочу – к пониманию. Зачем мне притворяться, что случившееся со мной уникально, и какой в этом смысл? Рассказать вам об изнасиловании?

Я злюсь от того, что тем самым меня втискивают в мое тело против моей воли. Для того, чтобы не жить в своем теле постоянно, есть веские причины, а это событие заперло меня внутри него, и мне еще долго не удавалось выбраться.

Меня расстраивала и обыденность случившегося, и то, что сама я оказалась настолько прозаична. Мое тело было

вовсе не даром, не воплощением красоты, не жизнью, а всего лишь предметом обихода. И осознание этого не столько огорчало или шокировало, сколько ввергало в скуку; я смотрела на себя, грузную, нескладную, изнасилованную, и думала: ну и что?

Больше всего меня злил не сам насильственный секс, а то, что память о нем несла в себе зудящее знание: мужчины могут делать что угодно и некоторые из них зачастую так и поступают. Знаю, сейчас немодно называть изнасилование сексом (ведь изнасилование – действие насильственного, а не сексуального характера; но разве оно не может быть и тем и другим? А иногда – скорее одним, чем другим?), но мне оно показалось очень похожим на секс. С чисто физической точки зрения оно даже не слишком отличалось от плохого секса по согласию, несколько раз со мной такое случалось – соглашалась я из вежливости, хотя быстро понимала, что мне не нравится, и изображала наслаждение, лишь бы все поскорее закончилось.

Все обстояло бы проще, если бы можно было провести краской линию и оставить изнасилование на одной стороне, а секс – на другой. Я много раз занималась сексом без желания, но только однажды сопротивлялась и была взята силой.

Я не чувствую никакого особенного родства с другими женщинами, которым причинили ту же боль, что и мне, нас не объединяет этот общий опыт. Ранимость, которую изнасилование поселяет в человеке (во мне), вместе с мнимой

мягкостью, уступчивостью мне противны – женственность всего этого мне противна.

Стыжусь ли я за себя из-за этого? Конечно; до некоторой степени; немного.

Через несколько дней после нашей ссоры на чтениях Киран позвонил и спросил, можно ли приехать ко мне. Я в напряжении ждала его стука в дверь, совершенно уверенная, что он собирается со мной расстаться. Но он был сентиментальным и нежным как никогда.

Мы долго сидели рядышком, не прикасаясь друг к другу. Меня распирало от желания сказать, что я повела себя полной идиоткой, что я хочу, чтобы он забыл тот вечер, можно мы просто вернем все как было, как бы это ни называлось? Можно – пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста?

Прежде чем из меня хлынул поток слов, заговорил он. Как всегда, говоря о личном, он напрягся точно струна и, не глядя на меня, с усилием выдал явно заготовленную речь.

Он просит прощения.

Ему нужно, чтобы я поняла, что случившееся между ним и его бывшей девушкой Фрейей оставило глубокий след в его душе. Она ему изменяла, причем не с одним мужчиной, а со многими, и не от случая к случаю, а постоянно, на протяжении всех их долгих отношений. Она была его первой любовью, и когда он узнал о ее предательствах, у них начался долгий период жестоких ссор, за которыми следовали слезные примирения, и ночных скандалов, кончавшихся загулами и пьяным сексом с незнакомцами назло друг другу.

Они были связаны настолько крепко, что Кирану казалось, будто они никогда не смогут разойтись. Он понял, что у них появился шанс окончательно расстаться, только решив переехать в Ирландию, когда заболел его отец.

– Ты должна понять, что лучшие минуты моей жизни я провел с Фрейей, – сказал он. – Она не плохой человек.

Я прищурилась.

– Она совершала ужасные поступки, но только потому, что была несчастна. Причиняя мне боль, она сама страдала. Я ненавижу ее, но в то же время люблю. Понимаешь?

Мой мозг усиленно работал, усваивая и сортируя услышанное. Он раскаивается: хорошо. Он делится своим прошлым: хорошо. Он любит ее: плохо.

– Да, – согласилась я, как и полагается зрелому человеку.

– Мне было так больно, что с тех пор я не хотел ни с кем сближаться. Я был измучен. Я не хочу больше страдать и причинять страдания другим. Но я хочу попробовать. Я не хочу причинять тебе боль, – сказал он, и в тот момент, помню как сейчас, я подумала, что никогда не причиню боль ему. Помню решимость в своем сердце. Я пообещала себе, что заслужу его доверие. Я восстановлю то, что отняла у него Фрейя.

Он прижался горячим лбом к моему, мы закрыли глаза и были вместе.

Ноябрь 2012

1

Я отделяла жизнь с Кираном от жизни с друзьями. Время от времени я брала его с собой, но только на многолюдные мероприятия, где нам не приходилось задерживаться надолго и с кем-то разговаривать. Хотя он редко вел себя так грубо, как на чтениях, где мы впервые поссорились, изображать удовольствие у него не получалось.

В конце концов я решила, что проще оставить его в покое, а с друзьями видеться в свободное время. Иногда их взаимная неприязнь создавала неудобства, но не более того. Мне все равно больше нравилось проводить время вдвоем.

Киран стал реже злиться и замыкаться в себе. Жаловался он теперь с долей самоиронии и признавал, что ведет себя как сварливый старикан. На улице похолодало, и он носил старый потертый бушлат, митенки и тонкий, не согревающий шотландский шарф. Кажется, за те месяцы мы ни разу не поругались. Я работала над нашими отношениями с сосредоточенным упорством. С каждой неделей я чувствовала себя все спокойнее и непринужденнее, течение времени узаконивало наши отношения, и в начале каждого месяца я была особенно счастлива.

Мы познакомились в апреле, а сейчас ноябрь, думала я.
Мы вместе почти целых три сезона.

2

Было два часа ночи, выходной. Мы только что закончили заниматься сексом, я сходила в кухню и принесла нам воды, а когда забиралась обратно в постель, он спросил:

– Сколько у тебя было сексуальных партнеров?

– А что? – вполголоса отозвалась я с деланным безразличием.

– На днях у нас с коллегой вышел об этом интересный разговор. Мне просто любопытно.

Я вспомнила, что Фрейя изменяла Кирану с кучей мужчин, и наскоро произвела кое-какие расчеты: о скольких парнях я успела ему рассказать, о ком еще могла упомянуть, какое число прозвучит правдоподобно.

– Девять, – ответила я.

– Вот видишь! – очень быстро сказал Киран, словно ничего другого и не ожидал. Он сел и повернулся ко мне. – У меня тоже было девять партнерш, а ты на несколько лет моложе меня. У всех моих знакомых было больше партнеров, чем у меня. Что не так с людьми? Неужели все просто спят с кем попало?

Вообще-то я не помнила, со сколькими спала. Скорее всего, у меня было около тридцати партнеров, а может, и больше. Съехав от родителей, я первое время часто напивалась до беспамятства, а потом не помнила, да и не хотела вспо-

минать, что именно со мной происходило.

Меня встревожила не сама ложь, а то, как быстро я ее соорудила.

В то время я стала меньше пить, а всерьез назюзюкивалась только с друзьями. Киран терпеть не мог пьяных и говорил, что не любит алкоголь, но по выходным мы иногда стояли перед «Оленьей головой» и он хмелел после двух-трех кружек.

Я любила его пьяным. Любила, когда мы напивались вместе. Если я была умелой пьянчужкой, то есть, наклюкавшись, держалась почти как обычно, то пьяный Киран был ангелом. Угрюмость его испарялась без следа, он становился импульсивным и забавным. Взгляд туманила нежность, и он по-детски неуклюже хватал меня, кружил, наклонял в танце и покрывал поцелуями. Пьяным он становился счастливым, тогда как на трезвую голову состояние счастья было для него редкостью. Конечно, это было ненастоящее счастье, но разве можно винить меня в том, что я в него верила, если достичь его было столь легко?

Субботним вечером мы могли с моей подачи выпить по несколько «белых русских», а потом смотреть фильмы ужасов и до рассвета слушать пластинки. Так было даже лучше – наедине со мной он иногда давал себе волю, напивался до пьяна, и мы танцевали по гостиной, хохоча как сумасшедшие.

Я валила его на диван, щекотала, прижималась губами к

чудесному местечку между его пупком и пряжкой ремня, а он визжал и уворачивался. Мы падали на пол, возбужденные и счастливые. В такие ночи мы, раскрасневшись и запыхавшись от борьбы, трахались прямо на старом потертом ковре. Наутро я пугалась, обнаружив жуткие синяки на коленях и спине, а потом с улыбкой вспоминала, как именно их получила.

Как-то в один из таких вечеров произошел случай со стихами, которые он посвятил Фрейе.

Мы выпивали недалеко от дома Кирана, в стилизованном под подпольный кабак баре с неоновой вывеской и полом, посыпанным опилками. Сидя на вращающихся табуретах у барной стойки, повернувшись лицом к лицу, мы беспрестанно прикасались друг к другу: ладонь ложилась на бедро, пальцы скользили по шее, прижимались к губам.

Мы разговаривали о сочинениях Кирана. Теперь он мог позволить себе раз в неделю брать дополнительный выходной и посвящать его собственному творчеству. Он никогда не давал мне читать ничего, разве что рецензии и научные статьи, в которых я ничего не понимала. В тот вечер он рассказывал, что начал работать над циклом стихотворений, а я кивала, излучая гордость и поддержку, и вдруг уловила сквозь пьяный туман:

– ...И в этот раздел войдут стихи, которые я пишу о Фрейе...

За полгода, прошедшие с тех пор, как мы поговорили о

Фрейе, он почти не упоминал ее имени, и меня это устраивало. Я так уверилась в том, что у нас с Кираном все будет идеально, что вытеснила воспоминание о ней.

– Какие стихи? – спросила я с колотящимся сердцем.

– Я же наверняка тебе о них рассказывал, – ответил он, отхлебывая пиво. – Нет? Я пишу цикл о ней и наших отношениях, особенно об их начале, когда мы вместе жили в Осло.

Я медленно, вдумчиво кивнула, взвешивая его слова.

Не делай из мухи слона, велела я себе. Я чувствовала накатывающую панику, но благоразумно старалась взять себя в руки.

(Что готовы терпеть от меня другие люди? Что из того, в чем я нуждаюсь, я вправе требовать?)

(Ничего, ничего, ничего.)

Я отправилась в туалет, встала перед раковиной и горько разрыдалась. Я понимала, что веду себя как ребенок, но было так больно от этого небрежного напоминания о том, что все самое дорогое для меня зависит от чужих прихотей.

Я вернулась, залезла на табурет, через силу улыбаясь, коснулась его лица, сжала его колено. Он выглядел смущенным, но тоже осоловело улыбался. Не будь он пьян, не проговорился бы, подумала я с тенью неприязни. При всем своем показном отвращении к не контролирующим себя выпивохам он иногда вел себя ничем не лучше.

– Ты же не расстроилась?

– Нет, конечно. Просто удивилась.

– Хорошо, хорошо. – Он продолжал улыбаться той же идиотской неуверенной улыбкой, избегая смотреть мне в глаза. – Потому что, по-моему, они и правда весьма хороши. Фрейя осталась под впечатлением.

Мое лицо невольно скривилось, так же как несколькими минутами ранее у раковины.

– Ты посылал их ей? Ты посылал Фрейе стихи, которые про нее написал?

– Да, чтобы узнать ее мнение. И я подумал, что ей захочется взглянуть. Ты же знаешь, мы просто друзья.

Я потрясенно, обессиленно уставилась на него. Я не заплакала, но внутри что-то сломалось, и, наверное, это было заметно по моему лицу.

До того момента я не отдавала себе отчета, что последние несколько месяцев сдерживалась изо всех сил. Казалось, мое тело очень долго задерживало дыхание и только сейчас осознало, что нельзя делать это вечно.

Я почувствовала, что суеверия и заговоры не сработали, молитвы остались не услышанными.

4

Когда я была маленькой, моего кота сбила машина, и перед тем, как похоронить, его положили на ночь в сарае.

После того как все уснули, я выскользнула в сырую замшелую темноту и отвернула накрывавший его плед. Я положила ладонь на так хорошо знакомое мне рыжее пузико, но оно, конечно, оказалось неправильным во всех мыслимых отношениях: не теплым, а ледяным, не мягким, а твердым, точно новая картонка.

Почувствовав эту неправильность, я наконец поняла, что случившееся – правда, но не могла в это поверить. Я продолжала гладить его и торговалась с Богом. Я думала: *если я простою тут всю ночь, если поглажу его ужасное мертвое пузико ровно тысячу раз, пожалуйста, пожалуйста, Боженька, пошли его назад ко мне, верни его мне, я не перестану просить.*

Я прожила в постоянном торге с Кираном много месяцев. Каждый новый день, когда я была веселой, покладистой, идеальной возлюбленной, был ритуальным подношением. Мое тело ожидало, что такое усердие будет вознаграждено. И вдруг стало ясно, что все мои старания бессмысленны и никакое волшебство не поможет мне его приворожить, так же как не помогло вернуть к жизни любимого кота.

Когда я немного опомнилась и снова посмотрела на Кирана, он уже ожесточился.

– Ради бога, не веди себя как маленькая.

Он со скрипом отодвинул табурет и протиснулся мимо меня.

– Подожди, – произвольно произнесли мои губы.

Как бы я хотела войти в это воспоминание, удержать себя, ободряюще положить прохладную руку на свою ладонь и уговорить себя подождать. Выпить еще стаканчик, успокоиться, пойти домой. Но мое тело двигалось само по себе – торопливо достало из-под стойки сумку, выбежало из бара на трамвайные пути, посмотрело в обоих направлениях. Я увидела, что Киран быстро и твердо шагает мимо Национального музея. Ничто в его движениях не выдавало недавнего опьянения. Я бросилась за ним, слабым голосом умоляя – подожди, подожди, – а догнав, вцепилась ему в плечо.

Он так резко стряхнул мою ладонь, что я покачнулась и тут же заплакала, раз за разом повторяя: пожалуйста...

Киран не выносил слез. Неприязнь, которую я вызывала у него во время ссор, при виде слез обострялась. Глаза становились как щелки, он терял последние остатки тепла и сострадания. Он отворачивался, отказывался видеть.

Возможно, его отвращение было небезосновательно? Неужели я и в самом деле притворялась, чтобы добиться сочувствия? Скажу лишь, что если и так, то уловки мои были неосознанными и безрезультатными. Мне никогда не удалось вызвать ни жалости, ни сочувствия, и однако же я продолжала это делать. Я никогда не плакала нарочно. Сдержаться было так же невозможно, как побороть тошноту, а из-за его реакции слезы лились еще сильнее.

Думаю, больше всего он ненавидел, когда я теряла над собой контроль. Рыдания взрослого человека – поистине неприятное зрелище. Плачущие взрослые похожи на детей, но наша жалкая сломленность не свойственна ни одному ребенку (в силу богатого жизненного опыта нам не хватает самозабвенной чистоты детского горя).

В глубине души я уже решила, что буду жить только ради него, что просто повисну на его плечах. В то же время я настолько боялась и его самого, и того, что он со мной делал, что никогда не призналась бы в этом решении ни себе, ни ему.

И поэтому в подобные моменты, когда я лицом к лицу

сталкивалась со своей зависимостью, первой моей реакцией было отрицание – истерическое отрицание – того, что зависимость эта существует. Отсюда и слезные извинения, и мольбы, и желание стереть из его памяти воспоминания о том, что я чего-то от него требовала.

В такие моменты – ибо это было лишь первое из сотен мгновений, которые впоследствии сложатся в целые месяцы, даже годы унижений, – я умоляла его увидеть, осознать, насколько я на самом деле ничтожна.

Своей зажатостью и трусостью я давала понять, что я никто и готова быть никем, лишь бы он был доволен. Если, будучи никем, я причиняю меньше всего беспокойства, то я с радостью останусь таковой. Если надо, я стану немой и неподвижной или, напротив, шумной, если необходимо, чтобы заглушить его молчание. Если он заскучает, я стану энергичной и задорной, а когда ему и это надоест – заурядной, унылой и полезной, как столовая утварь.

Я не просила его о любви. Не просила, чтобы он взглянул в мою сторону и увидел меня, потому что сама, по сути, не знала, что я такое. Но когда моя зависимость становилась заметна, я впадала в панику – потому что то была реальность.

Зависимость была настоящей, была частью меня, частью моей человечности, но поскольку в такие моменты я ничего иного настоящего в себе не ощущала, она вызывала лишь отвращение.

Киран направлялся домой, но не запретил мне следовать

за ним. Просто игнорировал меня, и в тот момент это его безразличие показалось выносимым и почти приятным: оно позволяло мне продемонстрировать, какой покладистой и хорошей я умею быть. Когда мы дошли до его дома, он остановился у двери и повернулся ко мне.

– Хочешь – входи, хочешь – оставайся, но я не желаю это обсуждать ни сегодня, ни вообще никогда. Мы с Фрейей взрослые люди. Мы старше тебя. У нас сложные отношения, но тебя они не касаются и не затрагивают. Понятно?

Я с жаром закивала. Тем вечером я не произнесла больше ни слова, молча почистила зубы, разделась и безропотно позволила ему отвернуться от меня в постели – я заранее знала, что он отвернется.

Я проснулась на рассвете. Небо за окном было ясное и стерильно-серое. Близилось Рождество.

Я посмотрела на хмурящегося во сне Кирана. Он выглядел таким молодым, когда спал. Тесная старая футболка еще больше подчеркивала его худобу. От него исходило влажное тепло, словно от ребенка в горячем поту. Мне по-прежнему особенно легко любить его, когда я вспоминаю его таким. Он казался каким-то доисторическим, недооформившимся, еще не готовым к жизни животным, разочаровываться в котором бессмысленно.

Я осторожно выбралась из постели. Живот сводило от тошноты и ужаса. Выйдя в гостиную, я посмотрела в окно, потом потянулась.

Я огляделась по сторонам, подумывая, не пожевать ли мюсли, и увидела на столе телефон Кирана. На расчеты ушли считанные секунды: он сейчас глубоко спит; если он встанет, я услышу; его телефон не запаролен.

Я понимала, что ступаю на новую территорию, откуда дороги назад нет, вторгаюсь в его личное пространство, хотя только что старательно дала ему понять своей покорностью, что никогда так не поступлю.

Я открыла его электронную почту. Почти вся переписка была с Фрейей. Я прокрутила вниз. На протяжении многих месяцев, все время нашего знакомства, они переписывались почти каждый день.

Я открыла ее последнее сообщение, которое она прислала накануне, незадолго до того, как мы с Кираном встретились в баре, и быстро пробежала его глазами – читать внимательно было некогда. Письмо было длинное, бесконечное. В первых абзацах Фрейя разбирала присланные им стихи, а потом переключилась на меня.

«...Что ж, стихи твои я прочитала. Теперь моя очередь тебе докучать. Я пытаюсь поговорить с тобой о нас, а ты останавливаешь меня упоминаниями о ней. Мы оба знаем, что ты используешь ее, чтобы отомстить мне и заставить меня ревновать. Не стоит. Тебе это удалось. Я ревную. Я несчастна. Я злюсь. Я постоянно думаю о вас двоих, часами просиживаю в офисе, выискивая в Сети ее фотографии, и пытаюсь понять, что ты в ней нашел.

Признаю, она хорошенькая, но не полновата ли для тебя? Тебе нравилось, что я высокая и худая, я совершенно не похожа на нее. В этом все дело? В том, что она на меня настолько не похожа? Неужели я так ужасна, что ты обречен искать мою противоположность? Разве тебе не странно после стольких лет спать с ней, а не со мной?

Вам с ней говорят, что вы красивая пара, как когда-то говорили нам? Мы чудесно смотрелись вместе, потому что подходим друг другу. Помнишь первую ночь в новом доме в Осло после того, как мы все перевезли и распаковали? Закончив, мы сели на крыльце и, попивая виски, оглядывались на наш новый дом, и проходившая мимо пожилая женщина остановилась, посмотрела на нас и сказала: “Никогда не видела такой красивой пары!” Мы рассмеялись, а она сказала: “Берегите друг друга” – и ушла. Даже издали она видела, насколько мы влюблены, потому что нашу любовь видели все.

Когда мы познакомились, мы оба чувствовали потерянность и безнадежность. Отчасти поэтому мы и влюбились друг в друга. Я видела это в тебе с самого начала. В нас обоих есть надлом, и только мы одни можем исцелить друг друга. Поэтому мы и должны быть вместе. Каждое утро, когда я просыпалась, ты гладил меня по волосам и смотрел на меня так, словно не мог поверить, что я настоящая. Ты не можешь ни отречься от того, что нас связывает, ни отрицать это.

Вспомни дни, когда мы часами гуляли по Нордмарке², по-

² *Нордмарка* – лесопарковая зона в пригороде Осло.

ка не начинали отваливаться ноги, а потом шли домой и вместе принимали ванну. Ты читал мне свои стихи, или мы обсуждали то, что я читала в школе, и, вытерев друг друга, засыпали на диване у огня.

Думаешь, я поверю, что у вас с ней есть то, что было у нас? Я тебя знаю. Я знаю, что у тебя на душе, и знаю, что ты не умеешь показывать свои чувства.

Дай нам еще один шанс, и я это докажу. Кроме того, я всего лишь занималась сексом. Это ничего не значило. Я никогда не делала того, что сейчас делаешь ты. Я никогда не играла в семью с другими, не ходила на свидания и не страдала подобной херней.

Ты уехал из-за своего отца, но он уже поправился. Ты сам говоришь, что почти с ним не видишься. Возвращайся ко мне. Или я приеду туда – мне все равно. Я отправлюсь хоть на край света.

Без тебя я не существую. Я возвращаюсь домой с работы, надеваю твой старый свитер, прижимаю его к лицу, пытаюсь уловить твой запах. Я представляю, как целую твои ключицы, ребра, веки. Я закрываю глаза и представляю, что почувствовала бы, если бы ты вернулся ко мне и мы исчезли вместе.

Киран, ты меня знаешь. Я ни с кем не встречаюсь. До тебя были только те, с кем я спала. Я никогда не любила никого, кроме тебя, и я люблю тебя уже очень давно. Семь лет. Это не похоже на другие отношения. Я не разлюблю тебя и не

переключусь ни на кого другого. Есть только ты.

Всегда будешь только ты».

«Больная сука, больная сука», – думала я. Ужас и ревность разливались по моему телу, словно яд. «Больная сука, больная сука».

Меня тошнило от ее фамильярности, льстивости, жалости к себе, манерности, но больше всего – от самодовольных описаний их отношений: чтения стихов в ванне, ностальгических воспоминаний о том, какой красивой они были парой, их общей уверенности, что они сложнее всех остальных.

В спальне послышался какой-то шорох, и я быстро вышла из его почты и выключила экран телефона. Налив в стакан воды из-под крана, я вернулась в спальню. Я скользнула в постель рядом с Кираном и, положив подбородок ему на плечо, обняла его сзади. Он протянул руку назад и прижал меня к себе.

2019, Афины

Влюбленность больше всего похожа на надежду – дистиллированную, чистую надежду, произвести которую в одиночку невозможно.

Мало что может быть печальнее, чем чувство, что на свете нет ничего нового и миру больше нечего тебе дать. Когда я так себя чувствую, то просыпаюсь лишь под вечер, уже в сумерках, с глубоким сожалением, что ничто во мне не из-

менилось. Я просыпаюсь так поздно, потому что и бодрствовать, и пытаться заснуть одинаково невыносимо. Перспектива хоть минуту полежать в темноте наедине со своими мыслями внушает ужас, поэтому я напиваюсь до отключки или тарашусь в телевизор, пока глаза не закрываются сами по себе.

Если я пытаюсь избавиться от этого ощущения невыносимости с помощью путешествий, то города сливаются воедино. Все такая же несчастная и одинокая, я бросаю деньги на ветер на какой-нибудь пьядце: безвкусная паста за двенадцать евро, слишком много вина и неизбежные приставания какого-нибудь зануды.

Когда я возвращаюсь домой в Уотерфорд, пытаюсь восстановить равновесие и примириться с собой и своим прошлым, то люди вокруг мрут как мухи и мы с родителями ссоримся из-за моей черствости. Я не хочу слушать про чужие болезни и трагедии, меня поражает их тяга посещать одни похороны за другими. Такое ощущение, будто я могу только есть, спать, кое-как проживать очередной день и начинать заново, – и это действительно все, что я могу. Хоть принимай антидепрессанты, хоть не принимай, все живое, весь белый свет, все человечество вызывает у меня единственную реакцию: ну и?

А потом я влюбляюсь, и все обновляется, в том числе я сама: мое тело, мой разум, мой взгляд на самые обыденные вещи. И, что самое главное, это срабатывает каждый раз. Ес-

ли я даже облажаюсь в результате, то в следующий раз все получится ничуть не хуже.

Виды из окна автобуса вдохновляют, рапсовые поля трогают до слез, от изрезанной береговой линии перехватывает дыхание. Мой мозг, еще недавно такой вялый и серый, внезапно становится по-детски восприимчивым и бурлит от новой информации. Новая любовь не только придает интерес унылой и скучной жизни, но и полностью ее меняет. В дни, которые я провела бы, съездившись в одинокой постели и прячась от пробивающихся сквозь занавески солнечных лучей, я кормлю уток и читаю стихи у канала. Не знаю ничего более похожего на волшебство, чем это преобразование.

Когда вас поглощает новая влюбленность и вы возрождаетесь к новой жизни, к вам приходит интуитивное понимание, что необходимо тщательно оберегать хрупкий новый мир, который вы строите вдвоем с любимым. Нужно наладить инфраструктуру, запланировать дамбы, мосты и здания администрации. Крайняя непрочность вашего творения будет часто вызывать у вас слезы страха и острого наслаждения. Одно неверное движение – и вся конструкция рухнет еще до завершения стройки. В начале отношений пары часто уединяются на целые месяцы не только в пылу страсти, но и для того, чтобы построить нечто новое.

6

Помню, что когда мы с Кираном ходили в кино в наши первые недели, мне хотелось смотреть фильм о нем, хотя он сидел рядом и держал меня за руку. Помню, я мечтала об огромном экране, который загородил бы все остальное. Я хотела напитаться Кираном до отказа. Я знала, что мне предстоит самое сложное и важное строительство в жизни. Я чувствовала себя в шаге от грандиозного проекта, своего лучшего творения. Мне предстояло построить громадный прочный красный амбар, который простоит много веков, величественный золотой собор, восьмое чудо света.

Когда я прочитала письмо Фрейи, мой разум отказался воспринимать его в рамках моего проекта, и я не смогла в полной мере осознать его смысл. Мысль о том, что наш свежестроенный мир перестанет существовать, была для меня буквально непостижима. Гнать ее от себя было просто, потому что, когда я могла физически находиться с Кираном, тревога отступала, а все потенциальные угрозы становились до смешного незначительными.

На рассвете мы занялись сексом, и я начисто забыла о беспокойстве. Его длинные сильные пальцы, слегка сжимающие мое горло. Сладость его рта на моих губах. Я выгнула спину, попыталась вдохнуть его дыхание. Я подняла руку, придерживала его за подбородок, чтобы он смотрел мне в глаза, когда

двигается, и каждая секунда стала священной.

Если в юности для меня было важно ходить на вечеринки, словно с их помощью я могла добиться чего-то важного, чего не сумели тем же способом добиться другие люди, то теперь таким же *важным* стал секс с Кираном. Мне каждый раз казалось, что секс подталкивает нас к некоему выводу, который научит нас какой-то мудрости, если только мы к нему придем.

Следующие несколько недель между нами все было хорошо, лучше, чем раньше, словно мы дали выход какой-то скверне. Я вспоминала то письмо с брезгливой злостью, направленной исключительно против Фрейи, но никогда – против него.

Меня потрясла законченность мира, описанного в том письме, – особая интимность тона, с коим Фрейя обращалась к Кирану, подробности, которые я никогда бы не узнала, если бы его не прочитала.

Я пыталась вообразить свитер, который она сохранила, крыльцо, на котором они сидели, открывавшийся оттуда вид. Эти детали тревожили меня, как и всякое свидетельство того, что у всех вокруг есть своя отдельная жизнь и своя точка зрения.

Меня ужасала мысль, что у Фрейи есть устоявшееся представление о характере Кирана, сложившееся за много лет до моего, и в то же время мысль эта была эротична. Я впервые погуглила Фрейю, чтобы посмотреть, как она выглядит. Иногда по ночам, когда я не могла уснуть, воображение заставляло меня представлять, как они трахаются.

Киран стал обращаться со мной мягче и нежнее: делал мне маленькие подарки, дарил цветы без повода, водил ужинать.

Все это казалось особенно значимым, потому что он был скуп. Он мало зарабатывал, но и я, и все мои знакомые тоже. Если у меня не было с собой мелочи на кофе, он мне его покупал, но всегда, всегда просил вернуть деньги. Мне было странно и неприятно.

Так было не только со мной. Я не раз видела, как он напоминал друзьям, что они задолжали ему выпивку, а те понятия не имели, о чем он. Когда они озадаченно поворачивались к нему, он в подробностях приводил каждый случай:

– Гарри, это было в пабе «Герцог» после предпоследней вечеринки Ирландского музея современного искусства, ты разве не помнишь? Тебе оставалась неделя до зарплаты, и я купил тебе пиво.

Все смеялись над его крохоборством и закатывали глаза, но я, его девушка, не видела в этом ничего смешного. Мне было очень стыдно. Я смутно боялась, что люди думают, будто его мелочность проявляется и в других сферах жизни, и сочувствуют мне.

Однажды, после открытия выставки на Тэлбот-стрит, мы всей компанией пошли поужинать в суши-бар, и Киран чуть не довел одну девушку до слез. Эта девушка стажировалась в галерее, только что переехала в Дублин из Кракова и явно была по уши влюблена в Кирана. Она была моложе меня, лет девятнадцати, – густая копна чистых блестящих волос, большие тревожные глаза – и весь вечер не сводила с него взгляда.

Такое случалось постоянно. Обычно меня это почти не беспокоило, потому что сам он никогда ничего не замечал. Мне было непривычно встречаться с настолько очевидно привлекательным мужчиной. На людях я то по-детски радовалась своей удаче, то начинала бояться, что на нашу нелепую пару смотрят с недоумением.

В конце ужина Киран расплачивался по счету и говорил всем, кто сколько должен. Стажерке не хватило нескольких евро.

– С тебя пятнадцать, – повторял он. – Столько ты потратила вместе с пивом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.